

Концепты и инструменты исследования

УДК-32:353:329

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-1-102-115

МНОГОЛИКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ

Петр Панов

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН

Аннотация

Регионализм является одной из главных движущих сил трансформации современного государства. Однако в понимании термина «регионализм» обнаруживается несколько значений: достаточно интенсивная региональная идентичность, основанная на гетерогенности регионов в коллективном восприятии; движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности; модель взаимоотношений центра и региона, когда последний обладает политической субъектностью. Соотнесение этих коннотаций позволяет выстроить их в некий ряд – своего рода «концептуальную ось» регионализма, в центре которой находится регионализм как политическое движение. Вторая – вертикальная ось концептуальной схемы – основана на концептуальном разграничении регионализма как движения, то есть регионалистских акторов от иных («смежных») категорий политических акторов, которые в той или иной мере связаны с регионом – такие, как региональные и этнические партии. Предложенная концептуальная схема, не являясь исчерпывающей, дает концептуальный инструментарий для сравнительных исследований регионалистских движений.

Ключевые слова: регион; регионализм; региональная идентичность; регионалистские требования; отношения центр – регионы; регионалистские партии.

Одной из главных движущих сил трансформации современного государства (nation-state) является регионализм в его различных проявлениях – наднациональный, субнациональный, транснациональный. Этому феномену регионализма посвящено огромное количество исследований, однако его многогранность порождает концептуальные проблемы. Несмотря на то, что, в целом, сложился общий подход к пониманию регионализма, концепты «регионализм», «региональность», «регионализация» и т.п. используются по-разному с точки зрения соотнесения их как с «регионом», так и друг с другом.

В данной работе предпринята попытка проанализировать основные коннотации термина «регионализм» (акцент сделан на субнациональный регионализм) и предложить концептуальную схему, которая позволяет последовательно соотнести их между собой. Одна из коннотаций (регионализм как движение, направленное на политическое конституирование региона, на обретение им политической субъектности) при этом рассматривается как «базовая». Соотнесение ее с другими образует своего рода «концептуальную ось», которая дает возможность выделить основные модели и разновидности регионализма.

С другой стороны, «акторная» концептуализация регионализма как движения требует соотнесения его с иными («смежными») категориями политических акторов, которые в той или иной мере связаны с регионом: действуют в рамках региона, продвигают региональные интересы, используют региональный дискурс и т.д. Это задает вторую ось в концептуализации данного понятия. Таким образом, двумерный подход к концептуализации регионализма позволяет более четко отграничить его от близких по некоторым характеристикам явлений и в то же время раскрыть разнообразие («многоликость») этого феномена.

Подход к пониманию регионализма

При осмыслении регионализма в любом его проявлении (субнациональный, наднациональный, транснациональный) «точкой отсчета» остается nation-state. Это связано с тем, что современный политический порядок основан на принципе политической гомогенизации в рамках территориально определенных границ. Государство как политическая организация современной политики по сути сво-

ей стремится к моноцентризму: единый центр versus периферия, которую центр гомогенизирует, пропитывая политическими смыслами и институтами¹. И хотя это всего лишь тенденция, но в политическом модерне она является фундаментальным принципом, что, однако, ни в коей мере не мешает тому, что этому принципу противостоят иные потенциально возможные (и в той или иной мере реализующиеся на практике) основания политической организации общества – этнические, клановые, корпоративные и т.д.

Регионализм, с одной стороны, потенциально располагается в этом же ряду, так как по своему смыслу «сопротивляется» гомогенизации, которую проводит национальное государство. С другой стороны, он выбивается из этого ряда, поскольку, в сущности, базируется на том же фундаменте, что и nation-state – на гомогенизации пространства, только границы этого пространства иные, чем границы национального государства. Однако говорить о том, что они «иные», можно, лишь имея в виду государственные границы. Именно поэтому вне контекста nation-state регионализм «не существует», в иной оптике он лишается всякого смысла.

Возможно, эта специфика регионализма как одного из конкурентов национального государства – одна из причин той «растерянности», которую, порой, обнаруживают государства, сталкиваясь с «вызовом регионализма». Регионализм опасен для nation-state, поскольку ему не надо легитимировать в качестве классифицирующих оснований иные принципы, он играет на том же поле смыслов, и это усиливает его конкурентный потенциал. Успехи регионализма в оспаривании существующих территориальных границ приводят к тому, что в литературе получило определение state rescaling²: политические границы «мигрируют» и «конкурируют», причем, если опять-таки отталкиваться от идеально-типического nation-state, «конкуренты» оказываются и над-, и под-, и транс- границ национального государства.

В значительной мере это связано с тем, что, как точно подметил Р. Туровский, «регион – это “безразмерное” понятие. Оно может использоваться для обозначения любого участка земной поверхности, обладающего набором специфических свойств» (Туровский, 2006: 38). Действительно, с точки зрения современного понимания, регион – это социальный конструкт, который возникает на основе того, что в коллективных представлениях утверждается значимость какого-либо признака (классифицирующего основания), на основе которого люди производят различия и определяют некое пространство как внутренне целостное – *гомогенное* по данному признаку и в то же время отличное – *дифференцированное* по этому признаку от других (См, например: Бусыгина, 2006: 8; Туровский, 2006: 15; Яровой, 2007: 17). Какой именно признак воспринимается как «значимый», зависит от множества факторов, но в любом случае он (как и любое классифицирующее основание) оказывается принципиально оспариваемым. Как отмечает М. Китинг, «конструктивистский подход рассматривает регионы как результат борьбы между социальными и политическими акторами в определенных условиях. Такой подход согласуется с современными представлениями о территории и пространстве, которые ушли от жесткого определения границ, указывая вместо этого на гибкость и множественность их осмысления» (Keating, 2017: 10). Таким образом, регион становится объектом (а порой и субъектом) политической борьбы, а в коллективных представлениях и практиках взаимодействий зачастую одновременно воспроизводятся различные классифицирующие основания, что приводит к «конкуренции регионализмов» и их параллельному существованию.

Для политической науки важным следствием социально-конструктивистского понимания является то, что регионы могут быть «формальными» (политико-административными) и «неформальными» (Туровский, 2006: 40; Бусыгина, 2006: 7–9). Для «неформальных» регионов, границы которых не совпадают с административно-территориальным делением (АТД), основания гомогенности / дифференцированности могут быть самые разные: географические (остров; полуостров; побережье; долина; горная страна; междуречье и т.п.), экономические (нефтедобывающая провинция; депрессивный регион и др.), исторические (вхождение в прошлом в состав другого государства), специфика состава населения и т.д. Зачастую комбинируют сразу несколько оснований. Политико-административный регион воспринимается как внутренне гомогенный и в то же время дифференцированный от иных политико-административных регионов уже в силу того, что у них различные поли-

¹ Как отмечал Э. Шилз, «Центр господствует над периферией и пропитывает ее – во всяком случае, он стремится к этому и в известной степени добивается успеха. Общество становится более интегрированным – от центра к периферии – в своих убеждениях и действиях» (Шилз, 1972: 350).

² «Переопределение пространства – это происходящая в настоящее время трансформация национального государства как экономической, социальной и политической системы, которая прежде содержалась в основном в пределах границ государства, а теперь мигрирует на новые уровни» (Keating, 2017: 10).

тико-административные центры (органы власти). В некоторых случаях это единственное основание для выделения региона и его различения от других, но нередко оно дополняется «неформальными», что существенно усиливает региональную идентичность.

Коннотации регионализма

В целом, в литературе утвердился три основных варианта в понимании регионализма. Первый вариант – регионализм как разнообразие региональных ландшафтов на территории национально-государства, региональная дифференциация (Бусыгина, 2006: 10–12)¹. В таком понимании «регионализм» отсылает нас к самому факту наличия в стране регионов, то есть региональному разнообразию. Правда, в какой-то мере региональная дифференциация имеет место почти всегда (наличие в стране АД уже дает региональную дифференциацию). Поэтому, чтобы не растягивать понятие, представляется оправданным усилить эту коннотацию и понимать под регионализмом не просто наличие «политико-административных регионов», а гетерогенность социально-экономических, социокультурных, географических, исторических и иных характеристик регионов. Иначе говоря, регионы выделяются как гомогенные и специфичные, дифференцированные от других единицы не только на карте АД, но и в коллективном восприятии, то есть речь идет о достаточно интенсивной региональной идентичности, что предполагает специфические (и относительно устойчивые) социальные представления об обществе – такую картину мира, когда региональные специфики являются значимыми для восприятия социальной реальности.

Если первая коннотация фокусируется на «состояние общества» (разнообразие регионов как таковое, интенсивная региональная идентичность), то вторая делает акцент на акторов, их стратегии, действия. Так, в ставшем классическим определении регионализма М. Китинга «Регионализм включает в себя три элемента: а) движение, требующее территориальной автономии в рамках унитарного государства; б) организация государства таким образом, что общественные блага предоставляются на основе того, что регионы реализуют свои собственные политические курсы; в) политическая децентрализация и региональная автономия» (Keating, 1998). Здесь нас интересует первый пункт (а), который сам М. Китинг обозначает как 'bottom-up' regionalism, тогда как два последних ('top-down' regionalism) имеют отношение в третьей коннотации, о которой речь пойдет ниже.

Как представляется, эта дефиниция требует некоторых уточнений. Прежде всего, многие специалисты рассматривают автономию как родовое понятие, то есть как широкий концепт для обозначения разнообразных форм самоуправления (Elazar, 1994), и в таком понимании есть все основания говорить о регионализме не только в унитарных государствах, но и в федерациях. Далее, поскольку степень, содержание и формы территориального самоуправления в современном мире сильно варьируются, необходимо оговориться, что речь идет о политической автономии региона, в отличие от административной, которая возникает в результате делегирования исполнительных / административных полномочий на нижестоящие уровни управления, политическая автономия предполагает наличие в регионе собственного законодательного органа власти (легислатуры), избираемого населением автономии и обладающего собственной компетенцией (Benedikter, 2009: 11; Wolff, 2010: 10).

Кроме того, автономию (автономный статус региона) следует понимать не в узко легалистском ключе, то есть не только как объем полномочий региональных органов власти, но и как качество их реализации. «В эмпирической реальности статус существует в виде конкретного набора преференций, прав и полномочий самоуправления и участия в принятии решений... статус может быть, прежде всего, больше или меньше (объем статуса), а также по-разному реализован (качество реализации статуса)» (Сулимов, 2017: 34). При таком понимании «требование автономии» как основной признак регионалистского движения имеет некоторые ограничения, поскольку регионалистские требования могут касаться не только объема статуса, но и качества его реализации. Иначе говоря, полномочия (объем статуса) у региона уже могут быть, то есть полномочия уже не надо требовать, но некие акторы полагают, что по тем или иным причинам они плохо (слабо, недостаточно) реализуются. Качество же реализации автономного статуса в значительной мере обусловлено тем, насколько регион обладает политической субъектностью. Если, к примеру, финансовые ресурсы сконцентрированы в центре, власти региона просто не в состоянии самостоятельно (субъектно) реализовывать полномочия, которыми они формально обладают. Кроме того, политическая субъектность региона предпола-

¹ В одной из своих книг И. Бусыгина специально оговаривается, что «регионализм в книге понимается как совокупность регионов страны, то есть просто как ее региональное разнообразие. Таким образом, регионализм – это определенный угол зрения, важный для понимания страны» (Бусыгина, 1999: 4).

гает, что он не только *сам принимает и реализует (в рамках своего статуса) решения для себя*, но и, что особенно важно, *сам участвует в принятии решений относительно своего статуса – что именно он может и будет решать для себя*¹. Так, если в результате политики «децентрализации сверху» центр передает региональным органам власти дополнительные полномочия, это, казалось бы, повышает их статус. Однако если центр проводит такую политику директивно, то есть фактически навязывает регионам новые обязательства, это не соответствует субъектности региона.

Таким образом, представляется более точным определить регионализм как движение не через «требование автономии», а через «требование субъектности» региона: **регионализм – движение, которое стремится к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс.**

Наиболее очевидным проявлением и одновременно индикатором регионализма как движения является наличие в политическом пространстве регионалистов - акторов, которые стремятся к обретению регионом политической субъектности. Чаще всего такими акторами являются политические партии, общественные организации. Это может быть несколько организаций, так или иначе взаимодействующих, но отнюдь не всегда координирующих свои действия. Наконец, регионалистские требования могут выдвигать не оформленные в организацию группы людей, элитные группировки, в том числе входящие в правящую (властную) элиту. Именно по этой причине термин «движение» представляется более уместным.

Из предложенного понимания субъектности региона вытекают и критерии, по которым можно идентифицировать регионалистские требования и, соответственно, регионалистских акторов. Следует подчеркнуть, что к регионалистским относятся те требования, которые касаются институциональных аспектов взаимодействия центра и регионов, а не ситуативных / эпизодических вопросов. Например, требование самостоятельно распоряжаться налогами, которые собираются на территории региона, является регионалистским, а требование к центру выделить региону дополнительные ресурсы на какие-либо проекты или в целом увеличить финансирование региона из центрального бюджета к регионалистским не относится.

1. Создание нового политико-административного региона (в тех случаях, когда некая территория воспринимается как регион, но не является политико-административным регионом (АТЕ)).

2. Наделение региона особым статусом – большим по объему по сравнению с другими рядоположенными АТЕ.

3. «Увеличение» объема статуса региона, то есть прав и полномочий самоуправления (в том числе в какой-то отдельной сфере, особенно чувствительной для данного региона), и участия в принятии решений, а также требование автономии, если она отсутствует. Сюда относятся также, в частности, такие институциональные требования, как выборность органов власти в регионе, право на создание региональных партий, обеспечение представительства в национальных органах власти и т.п.

4. Повышение качества реализации статуса региона, в том числе требование к центру обеспечить реализацию тех полномочий, которые зафиксированы в статусе региона (например, проводить самостоятельную миграционную, экономическую и т.д. политику).

5. Наконец, возможен и вариант «охранительного регионализма», когда регионалистский актор борется за сохранение статус-кво, если возникает угроза имеющемуся статусу.

Если еще раз обратиться к определению регионализма М. Китинга (пункты б и в), обнаруживается третья коннотация термина «регионализм»: регионализм как такая модель взаимоотношений центра и регионов, когда последние обладают автономией², а если спроецировать на эту коннотацию те уточнения, которые сделаны выше по поводу автономии, то можно предложить более «сильное»

¹ Эти два измерения (условно – «внутреннее» и «внешнее») во взаимоотношениях центра и регионов достаточно часто фиксируются в литературе. Так, в известном проекте Regional Authority Index (RAI), где измеряются «властные ресурсы» регионов, выделяются: а) полномочия, которыми региональные правительства располагают в отношении тех, кто проживает на территории региона (self-rule) и б) полномочия, которыми региональные правительства или их представители располагают в масштабах всей страны (shared-rule) (Hooghe et al., 2016).

² Иногда такое понимание регионализма пытаются использовать в совсем «мягком» варианте – как просто отношения по линии «центр – регионы», но это ведет к размыванию понятия. Например, в известной работе о регионализме в странах Европы автор главы «Регионализм в унитарном государстве: случай Венгрии», проанализировав отношения между центром и венгерскими провинциями (медье), вынужден признать, что регионализма в Венгрии нет, если руководствоваться принятым в книге пониманием региона как «территориальной единицы, способной обеспечить устойчивый рост экономики и модернизацию территориальной структуры, обладающей независимыми финансовыми ресурсами и правом на самоуправление, проводящей самостоятельную политику развития» (Scully & Wyp, 2010: 197).

понимание: взаимоотношения центра и региона, уже обладающим политической субъектностью. При этом важно отметить, что не только регион действуют субъектно, но и центр признает его субъектность и обращается с ним как с политическим субъектом.

Таким образом, мы имеем три коннотации термина «регионализм»:

- 1) достаточно интенсивная региональная идентичность, основанная на гетерогенности регионов в коллективном восприятии (*РИ*);
- 2) движение, которое стремится к обретению регионом политической субъектности (*РД*);
- 3) модель взаимоотношений центра и региона, когда последний обладает политической субъектностью (*РЦ*).

Очевидно, все три коннотации связаны между собой, но фиксируют разные грани феномена: *РИ* – «регионалистское» восприятие социальной реальности; *РД* – деятельность «регионалистских» акторов; *РЦ* – «регионалистские» практики взаимоотношений регионов и центра. В некоторых случаях это могут быть не только разные грани, но и последовательные стадии в развитии регионализма: региональная идентичность перерастает в регионализм как движение, нацеленное на обретение регионом политической субъектности, а в случае успеха этого движения возникает регионализм как реальное состояние субъектности во взаимоотношениях центра и регионов. Собственно говоря, именно это и позволяет выстроить их в некий ряд – своего рода «*концептуальную ось*» регионализма (см. рисунок). При этом именно *РД* оказывается «центром» данной оси. С одной стороны, регионализм как движение (*РД*) всегда опирается на региональную идентичность (*РИ*), поскольку регионалистские требования должны каким-то образом легитимироваться. С другой стороны, *РД* нацелен на достижение такого состояния в отношениях между центром и регионом, которое фиксируется в коннотации *РЦ*.

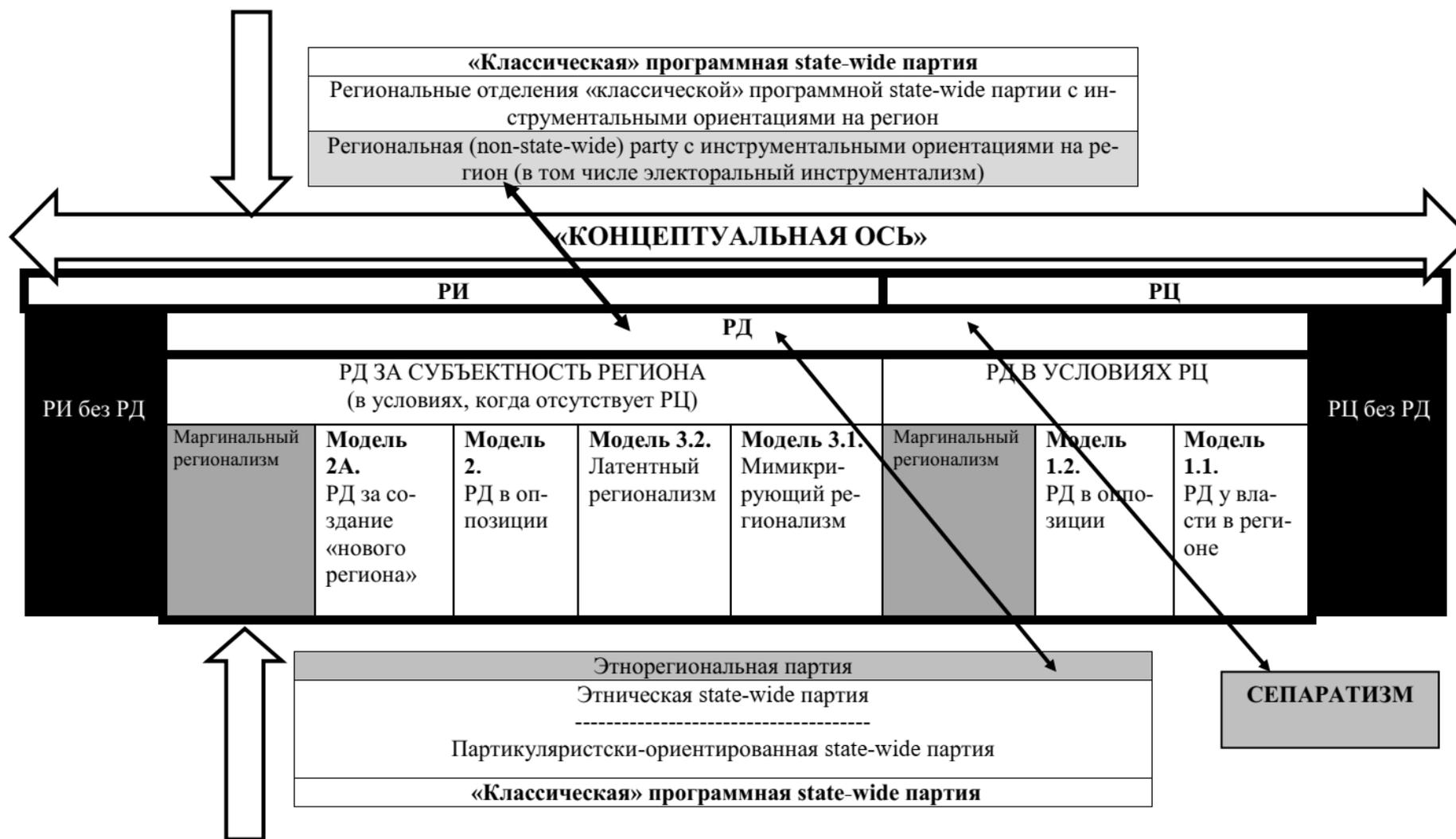

Рисунок. Регионализм как движение и его разновидности

Вместе с тем, о «стадиальности» следует говорить с очень существенными оговорками. Во-первых, РИ совсем не обязательно перерастает в РД. Иными словами, регионализм как требование субъектности невозможен без региональной идентичности, но последняя вполне возможна без первого. Она может ограничиваться интенсивным «переживанием» своей личности, гордости за принадлежность к региону и т.п., но не политизироваться и не отливаться в требования субъектности региона¹. Так, опросы Евробарометра показывают, что самые сильные региональные идентичности обнаруживаются в таких странах, как Португалия, Греция и Ирландия, но и в одной из них нет значимых регионалистских движений (Китинг, 2003: 96).

Во-вторых, наличие у региона политической субъектности во взаимоотношениях с центром (РЦ) может быть результатом РД в прошлом. Это имел в виду М. Китинг, выделяя пункт с) в понимании регионализма – «политическая децентрализация и региональная автономия» как ответ центра на регионалистские требования снизу (РД). Но возможен и иной вариант, когда субъектность региона в отношениях с центром возникает не как результат РД, а вследствие проводимой сверху политики децентрализации (пункт б) в определении М. Китинга – ‘top-down’ regionalism). В этом случае, видимо, субъектность возникает не сразу, а постепенно, в процессе «научения» (social learning), по мере того как региональные органы власти «осознают» саму возможность быть субъектом, может быть под влиянием своих уже-субъектных «соседей», в которых было РД. Следовательно, РЦ отнюдь не всегда является «стадией», следующей за РД.

С другой стороны, достижение «состояния» РЦ совсем не обязательно означает отсутствие РД или его прекращение. В некоторых случаях, особенно в развитых федерациях, где регионы обладают политической субъектностью, это действительно так. К примеру, в большинстве германских земель или швейцарских кантонов регионалистские движения отсутствуют. Однако всегда есть возможность требовать «повышения субъектности» или / и «реализации субъектности». Так, в Баварии действует Баварская партия, выдвигающая регионалистские требования (порой на грани с сепартизмом), а в кантоне Тичино – Лига Тичино, которая полагает, что кантональные власти действуют недостаточно субъектно, например, в сфере миграционной политики. К «повышению субъектности» стремятся и те регионалистские партии, которые оказались у власти в своем регионе, а если центр сопротивляется, это порой стимулирует сепаратистские интенции (Каталония, Шотландия).

Таким образом, «стадиальность» по оси «РИ – РД – РЦ» «искривляется», и такие «искривления» чрезвычайно важны, поскольку именно они позволяют выделить модели регионализма:

- 1) регионализм как только РИ;
- 2) регионализм как только РЦ;
- 3) регионализм как РИ + РЦ;
- 4) регионализм как РД + РИ (наличие РИ предполагается) в условиях, когда отсутствует РЦ;
- 5) регионализм как РД (предполагается наличие РИ) в условиях РЦ.

Возникает вопрос, а не стоит ли развести три коннотации регионализма концептуально, используя такие термины, как например, «регионализация», «региональность». Однако последний термин используется в политической регионалистике скорее применительно к наднациональному / транснациональному регионализму: «территориальное измерение интеграции, охватывающее все множество существующих (и сосуществующих) между различными территориальными общностями сетей сотрудничества» (Бусыгина, 2006: 13); «сложность и вес региона в глобальной системе» (Тихоокеанская Россия, 2017: 12). Что касается «регионализации», т.е. этим термином иногда обозначают третью коннотацию (РЦ). Так, Ассамблея европейских регионов реализует экспертно-аналитический проект по изучению взаимоотношений центральных властей и регионов в различных странах, что явно отсылает нас к третьей коннотации регионализма, и называется он «Обсерватория по регионализации». Примечательно, однако, что сплошь и рядом возникает путаница, и в названиях докладов по отдельным странам фигурирует термин «регионализм» (См., например: Regionalism in Austria, 2016). Кроме того, понятие «регионализация» все-таки чаще используют, обозначая сам процесс перерас-

¹ На это, в частности, обращает внимание М. Китинг, выделяя три «этапа»: региональная идентичность, ее политизация и выдвижение регионалистских требований: «Существование общей региональной идентичности в ее когнитивном и эмоциональном измерении не обязательно влечет за собой политические последствия. Это зависит от того, используется ли региональная идентичность как структура восприятия и оценки политических проблем, особенно при голосовании на выборах и референдумах. Следующий этап наступил с выдвижением требования региональной автономии. Здесь осуществлялись последовательные шаги в политической регионализации, поскольку второй (политизация идентичности) невозможен без первого, а третий (требование автономии) – без второго. С другой стороны, регионализм может остановиться на первом или втором этапе без перехода к третьему» (Китинг, 2003: 95).

пределения полномочий (См., например: Бусыгина, 2006: 12; Туровский, 2006: 45; Яровой, 2007: 58), но «процесс» – это не то же самое, что «результат», то есть уже субъектные отношения по линии центр-регион (РЦ). В ряде случаев термины «регионализм» и «регионализация» рассматриваются как синонимы либо как разнонаправленные векторы одного процесса: регионализм – как регионализация сверху, а регионализация – как регионализм снизу (Яровой, 2007: 37).

В целом, термины «региональность» и «регионализация», особенно в соотношении с концептом «регионализм», используются в литературе настолько по-разному, что задача ввести четкие концептуальные разграничения выглядит малоперспективной. В рамках данной работы представляется достаточным развести понятия «регионализация» и «регионализм». Если оставить за «регионализацией», так сказать, процессуальную сторону (в частности, процесс перераспределения полномочий между центром и регионами в пользу последних), «регионализм» будет пониматься как фиксация некоего «наличного состояния», причем во всех трех коннотациях: состояние представлений об социуме («наличие» интенсивной региональной идентичности), состояние общественных движений и требований («наличие» акторов, выдвигающих регионалистские требования) и состояние отношений между центром и регионами («наличие» политической субъектности у регионов).

Такая многозначность («многоликость») ни в коей мере не мешает сфокусироваться на одной из них, и в рамках данной работы фокус направлен на регионализм как движение, однако именно соотнесение этой коннотации с другими (по концептуальной оси) позволяет выявить модели РД.

Регионализм как движение и его «соседи»

Как уже отмечалось выше, термин «движение» представляется наиболее точным применительно ко второй коннотации регионализма, поскольку далеко не всегда регионализм оказывается организационно оформлен в некую политическую партию или партии. Тем не менее, чаще всего бывает именно так, поэтому соотнесение РД с иными («смежными») категориями политических акторов логичнее всего произвести в контексте разнообразия политических партий.

Поскольку регионализм осмысливается под углом зрения nation-state, в качестве «точки отсчета» уместно взять идеально-типическую *универсалистскую политическую партию*. Во-первых, такая партия является общенациональной (state-wide party – SWP), ее деятельность охватывает всю территорию страны. Во-вторых, это программно-ориентированная партия – «mass programmatic party» в терминологии Г. Китчелта (Kitschelt & Wilkinson, 2007: 5), и те блага, которые зафиксированы в ее программе, являются публичными.

От универсалистских политических партий возможно движение по *вертикальной оси* в двух направлениях: 1) к региональному партикуляризму и 2) к нерегionalному партикуляризму (см. рисунок). При этом следует заметить, что движение в обоих направлениях в конечном итоге приводит нас к одному и тому же – к регионализму (регионалистским партиям), так что, строго говоря, вертикальное измерение представляет собой не ось в чистом виде, а вертикально расположенное кольцо.

Если двигаться от идеально-типической массовой универсалистской партии в направлении регионального партикуляризма (на рисунке это представлено как движение вниз), необходимо, прежде всего, выделить универсалистские партии, в которых региональные отделения имеют значительную самостоятельность и достаточно сильно акцентируют внимание на региональной повестке, ориентируясь на предоставление так называемых «клубных благ», направленных на жителей данного региона¹. Разумеется, апелляция к региональной идентичности и региональной повестке является выигрышной электоральной стратегией, прежде всего, на выборах регионального уровня (да и национального, особенно если границы избирательных округов совпадают с АД) для всех политических партий. Соответственно, партии активно включают в свои предвыборные программы такие позиции, как реализация важных для данного региона инфраструктурных проектов, меры, направленные на привлечение инвестиций, создание благоприятных условий для ведения бизнеса, развития туризма и тому подобное. Однако степень такой «локализации» существенно различается. В данном случае речь идет о тех SWP, для которых акцент на региональной повестке является устойчивой практикой. Однако даже такие «регионально-ориентированные» партии остаются state-wide партиями, так что их совершенно определенно нельзя отнести к регионалистским акторам.

¹ Публичные блага могут получать все, кто желает того, и никто не может быть исключен. Клубные блага – те, которые предоставляются только для определенных категорий граждан (Kitschelt & Wilkinson, 2007: 11).

Следующий шаг по вертикальной оси – региональные партии. В отличие от предыдущих категорий это non-state-wide-parties (NSWP), их активность, в том числе электоральная, ограничена территориальными рамками региона (в ряде случаев нескольких регионов), и они стремятся продвигать в повестку именно региональные интересы (См., например: Brancati, 2007; Dandoy, 2010). Данная категория партий похожа на регионалистские, и в эмпирическом плане нередко обнаруживаются пограничные случаи («серая зона»), когда достаточно трудно определить, является партия регионалистской или «всего лишь» региональной. Однако концептуально граница понятна: регионалистская партия выдвигает регионалистские требования (субъектность региона), тогда как региональная партия занимается репрезентацией региональных интересов, явно ориентирована на предоставление клубных благ (для жителей региона), но не стремится к субъектности региона¹. Тем не менее, на рисунке эта разновидность партий отмечена серым цветом как пограничный случай в силу того, что региональные партии могут трансформироваться в регионалистские и наоборот (на это указывают двусторонние стрелки).

Не лишним будет также заметить, что достаточно часто региональные партии представляют собой объединения нотаблей, преследующих сугубо электоральные цели. Иными словами, локальные элитные группы нередко объединяются в политические организации в масштабах региона для улучшения электоральных результатов. Как правило, они агрегируют локальные требования в более широкую региональную программу. Такие объединения (альянсы) могут быть относительно устойчивыми и успешными, как например, «Мэры Либерецкого края» (Mayors for Liberec Region) в Чехии, которые вот уже примерно 10 лет получают места в национальном парламенте (правда, в коалиции с одной из SWP), а на региональных выборах одерживают уверенные победы и входят в региональное правительство. Специфика чешской политики в том, что лица, занимающие должности в муниципалитетах и региональных правительствах, могут одновременно быть депутатами легислатур, что дает мэрам городов дополнительные ресурсы для лоббирования интересов своих муниципалитетов. В результате на последних региональных выборах в 2016 г. почти во всех краях участвовали коалиции местных нотаблей (Коалиция за Пардубицкий край, Коалиция за Олонецкий край и т.д.). А на национальном уровне, кроме «Мэров Либерецкого края», довольно успешна коалиция «Мэры и независимые» (Mayors and Independents), в которую входят руководители муниципалитетов из самых разных регионов страны.

Если двигаться от идеально-типической массовой универсалистской партии в противоположную сторону, в направлении нерегионального партикуляризма (на рисунке – движение вверх), следующей категорией будут партикуляристски-ориентированные SWP, которые стремятся предоставлять клубные блага для отдельных категорий населения (аграрные партии, партии пенсионеров и т.п.). Среди них особо выделяются этнические SWP, которые ориентированы в своей деятельности на определенную этническую группу (Chandra, 2011: 155). Особая разновидность этнических партий – этнорегиональные, для которых характерно, что их этнические группы локализованы в пространстве определенного региона. Соответственно, этнорегиональные партии принадлежат к NSWP. Активность этих партий ограничена одним или несколькими регионами, и здесь также возникают пограничные случаи, когда эмпирически не всегда легко отличить этнорегиональную партию от регионалистской, в том числе в силу того, что возможны трансформации и переходы из одной категории в другую. Однако концептуальное разграничение достаточно ясно. Этнорегиональная партия ориентируется на «свою» этническую группу, тогда как регионалистская – на субъектность региона. Разумеется, если регион обладает этнической спецификой, которая имеет существенное значение в региональной идентичности, это используется при легитимации регионалистских требований, и в этом случае представляется уместным термин «этнорегионализм» как частный случай регионализма. Тем не менее, регионализм как движение, даже если он этнически окрашен, по определению является «включающим», как, например, этнорегионалистские партии в Шотландии и Каталонии. Так, «шотландскость» в понимании Шотландской национальной партии (SNP) определяется не по происхождению, а по месту проживания и потенциально распространяется на всех, кто идентифицирует себя с Шотландией. Противоположный случай – венгерские партии в Словакии, Румынии, Воеводине. Хотя они территориально локализованы (в одной или нескольких АТЕ), их деятельность явно сфокусиро-

¹ Так, проанализировав различные NSWP в Нидерландах, А. Шекель пришел к выводу, что только одна из них соответствует понятию «регионалистская партия»: «Несмотря на наличие центр-периферийных размежеваний в отношении языка и истории, ни одна из NSWP не имеет явных требований автономии, за исключением Фризской национальной партии, которая требует региональной автономии, чтобы защитить фризский язык, культуру и спорт» (Dandoy & Schakel, 2013: 175).

вана на продвижении интересов этнических меньшинств. Соответственно, эти партии относятся к этнорегиональным, но не этнорегионалистским.

Таким образом, с учетом всего вышесказанного, мы приходим к регионалистской партии. Классический подход к определению регионалистской политической партии базируется на двух критериях: 1) партия является региональной, то есть, в отличие от общенациональных партий (state-wide parties), ее активность, в том числе электоральная, сконцентрирована в одном (или нескольких) регионах; 2) партия выдвигает регионалистские требования (См., например: Dandoy, 2010; Massetti & Schakel, 2016; De Winter & Türsan, 1998).

Вторая ось (кольцо) дает возможность достаточно четко разграничить регионализм как движение от иных категорий акторов, работающих на «смежном поле»: 1) от региональных партий / организаций / альянсов, которые занимаются всего лишь репрезентацией региональных интересов, продвигая их в повестку или / и используя региональные интересы в инструментальных электоральных целях; 2) от этнических партий / организаций, которые ориентированы, прежде всего, на «свою» этническую группу, даже если она локализована в рамках своего региона; 3) кроме того, по природе своих требований регионализм очевидным образом отличается от сепаратизма: субъектность региона в отношениях с центром по определению предполагает сохранение этого центра, а значит и региона в составе национального государства. Вместе с тем, эти разграничения концептуальные, тогда как в эмпирической реальности по всем трем позициям обнаруживаются пограничные случаи, а также трансформации, переходы из одной категории в другую. Соответственно, на рисунке указанные категории выделены серым цветом и отмечены двусторонними стрелками.

Основные модели и разновидности регионализма как движения

Соотнесение регионализма как движения (РД) с другими коннотациями (РИ и РЦ) по концептуальной оси позволяет выделить основные модели регионализма как движения. За рамками РД остаются, во-первых, те случаи, когда регионализм существует только в виде интенсивной региональной идентичности (РИ), которая не выливается в движение за субъектность региона в отношениях с центром. На рисунке это крайняя левая секция концептуальной оси. Во-вторых, случаи, когда регион уже обладает субъектностью в отношениях с центром, а движение за «повышение субъектности» или / и «реализации субъектности» отсутствует (крайняя правая секция концептуальной оси). В середине концептуальной оси расположены случаи, которые относятся к регионализму как движению (закрашены оранжевым цветом).

Ключевым критерием для выделения моделей РД является его соотношение с РЦ не только потому, как отмечалось выше, РД невозможен без достаточно интенсивной РИ (следовательно, РД всегда сочетается с РИ), но и потому что регионалистское движение – это стремление к политической субъектности региона в отношениях с центром, то есть по своей сути оно предполагает интеракционистскую оптику, а она заложена именно в коннотации РЦ. Если в этой логике составить матрицу по двум измерениям (центр / регион; признание / непризнание политической субъектности региона), мы получаем 4 возможных варианта:

- 1) и центр, и региональная власть взаимодействуют, исходя из политической субъектности региона, и только в этом варианте прослеживается регионализм в коннотации РЦ;
- 2) ни центр, ни региональные власти не признают политическую субъектность региона;
- 3) центр признает политическую субъектность региона, однако регион не действует как субъект. Это может быть следствием «децентрализации сверху», о которой говорилось выше, когда региональные власти «пока еще» не осознали свою субъектность;
- 4) региональные власти стараются вести себя как субъекты в отношениях с центром, но последний отвергает эти претензии, не желая признавать политическую субъектность региона.

С точки зрения характеристик регионализма как движения, второй и третий варианты объединяются в одну модель, соответственно мы имеем три модели регионализма как движения, которые существенно различаются по целям и стратегиям регионалистских акторов. Далее, поскольку понимание регионализма как движения базируется на «акторном» подходе, каждую из моделей можно разбить на несколько вариантов в зависимости от позиции регионалистских акторов по отношению к власти, а также ресурсов, которыми они обладают.

Модель 1. Состояние отношений между центром и регионом уже характеризуется «наличием» у региона политической субъектности, причем центр признает субъектность региона и работает с ним именно под этим углом зрения. Здесь возможны два варианта:

1.1. Регионалисты находятся у власти в регионе, но будучи регионалистами, они стремятся «повысить» субъектность региона. Их типичная стратегия – вступать в переговоры с центром, требуя увеличения объема полномочий, более активного участия в принятии решений, улучшения качества взаимоотношений центра и региона. Тактические ходы при этом могут быть самыми разными – как конвенциональные действия в рамках сложившихся практик взаимоотношений, так и не вполне конвенциональные (угроза сецессии).

1.2. У власти в регионе не регионалистские акторы, то есть региональные власти, хотя и ведут себя вполне субъектно во взаимоотношениях с центром, не выдвигают регионалистских требований. В этих условиях типичная линия поведения для регионалистов, которые находятся в оппозиции – критика региональной власти за слабость, за низкое качество реализации автономного статуса, за то, что регион не проявляет достаточной субъектности в отношениях с центром и т.д.

Следует заметить, что регионалистское движение может быть расколото, когда одна его часть находится у власти в регионе (1.1), а другая – в оппозиции (1.2).

Кроме того, необходимо учитывать политический потенциал оппозиционных регионалистских акторов. Пользуясь методологией и терминологией Д. Сартори, их можно разделить на «релевантные»¹, то есть обладающие «шантажным потенциалом», и «нерелевантные». На рисунке они обозначены как «РД в оппозиции» и «Маргинальный регионализм». Маргинальное РД не оказывает существенного влияния на политический процесс, однако его наличие имеет значение для эмпирического анализа, поскольку под влиянием тех или иных факторов маргинальный регионализм может усилиться и стать значимым политическим актором. По этой причине он обозначен на рисунке серым цветом.

Модель 2. Состояние отношений между центром и регионом характеризуется «отсутствием» у региона политической субъектности, причем региональные власти и не стремятся вести себя субъектно. Возникающее в этом случае РД, очевидно, оказывается в оппозиции, критически настроено по отношению ко всем уровням власти, но значимость РД точно также может варьироваться.

Возможен и промежуточный между Моделями 1 и 2 вариант, когда регионалисты обладают, если продолжить пользоваться терминологией Д. Сартори, коалиционным потенциалом. В качестве младшего партнера они входят в региональное правительство, пытаясь продвигать регионалистские требования в институциональную повестку. Однако будучи младшим партнером, как правило, они не в состоянии кардинально изменить взаимоотношения с центром. Участие в правительстве, несомненно, дает им дополнительные ресурсы, но в то же время и ограничивает их возможности в плане критики сложившихся практик взаимодействия.

Модель 2А. Некоторые регионалистские движения возникают в условиях, когда регион не является административно-территориальной единицей. Как правило, такие случаи возникают тогда, когда существующее АД слабо коррелирует с историческим / социокультурным восприятием пространства, соответственно дифференциация регионов и региональные идентичности в массовом восприятии вступают в противоречие с сеткой АД (разумеется, с оговорками о множественности и оспариваемости идентичностей). Таким образом, специфика этого особого варианта второй модели регионализма именно в требовании создания нового субъекта политико-административных отношений (в Модели 1 этот вариант, очевидно, невозможен по определению). «Новый регион» при этом может охватывать как несколько существующих АТЕ первого субнационального уровня (Моравия, Санджак, Трансильвания, Силезия, Сибирь, Паданья и т.д.), так и, наоборот, часть территории одной АТЕ первого субнационального уровня (Бернская Юра).

Модель 3. Вариант, когда регионалисты у власти, в Модели 2 отсутствует, потому что, будучи у власти, регионалисты стремятся сделать регион политически субъектным. Однако может быть так, что регионалисты оказываются у власти в условиях, когда состояние отношений между центром и регионом характеризуется отсутствием у региона политической субъектности, и, более того, центр не желает признать политическую субъектность региона. Это принципиально иная ситуация, которая и требует выделения особой модели.

¹ «Партия считается релевантной, когда само ее существование или появление влияет на тактику партийного соревнования, и особенно когда оно изменяет направление конкуренции, определяя переход от центростремительного к центробежному соревнованию нацеленных на участие в управлении партий левого, правого толка или и тех, и других» (Сартори, 2004: 19).

3.1. В отличие от двух первых, здесь возникает конфликт между ориентациями центральной и региональной властей. Жесткая позиция центра в отношении регионализма может проявляться в запрете региональных партий, отождествлении регионализма и сепаратизма, в частности, в конструировании мифов и стереотипов об «угрозе распада страны» и т.п. Региональные партии, например, прямо или косвенно законодательно запрещены в трех странах Европы (Россия, Украина, Молдова), а также в Португалии (за исключением автономных регионов Азорские острова и Мадейра). Типичная стратегия адаптации регионалистов к такому неблагоприятному контексту – отказ от публичной манифестации регионалистских требований и субституирование их относительно безобидными (с точки зрения центра) «интенциями». Это находит такие проявления, как например, регионалистский дискурс в официальных текстах и медиа-повестке, символическая и историческая политика региональных органов власти, в том числе политика в сфере образования (скрытые регионалистские интенции могут выражаться в специфике региональных компонентов в образовательных стандартах). В результате возникает особая модель, которую можно обозначить как «*мимикрирующий регионализм*».

3.2. Оппозиционное РД в этих условиях также вынуждено адаптироваться к неблагоприятному контексту. Как правило, лишь малая часть регионалистов продолжает публично выдвигать регионалистские требования (стратегия «голос», если пользоваться терминологией А. Хиршмана), а большинство предпочитает «выход», покидая поле публичной политики. Вероятно, в этом случае можно говорить о «*латентном регионализме*».

В то же время центр, как известно, по разным причинам может проводить асимметричную политику в отношении регионов. Это справедливо и в отношении Модели 3. В одних регионах регионалистам приходится очень сильно маскировать свои «истинные намерения», тогда как другим может позволяться значительно больше, и время от времени они даже могут публично предъявлять регионалистские требования. Это дает основания говорить о «*мерцающем регионализме*».

Очевидно, что модели регионалистских движений, схватывая существо их взаимоотношений с центром, не раскрывают всего разнообразия регионалистских акторов. Безотносительно к моделям, наиболее значимыми представляются три критерия, каждый из которых позволяет классифицировать регионалистские движения по соответствующим основаниям.

Поскольку РД всегда основывается на региональной идентичности, первый критерий – конституирующие основания регионализма (основания региональной идентичности): географические, экономические, исторические, социокультурные; второй критерий – организационные характеристики регионалистского движения. Здесь необходимо учитывать два аспекта: 1) организационная форма (политическая партия, общественная организация, сетевое сообщество и т.д.); 2) внутренняя фрагментация: при наличии нескольких организаций возникают вопросы об их взаимоотношениях под углом зрения дихотомии сотрудничество versus конкуренция, а также о формах и механизмах координации (коалиции, наличие зонтичных структур и т.п.).

Третий значимый критерий связан с тем, что регионалистские идеи / требования производятся и транслируются в определенном политико-идеологическом контексте, более широком, чем регионалистские идеи. Поэтому представляется важным определить отношение регионалистских акторов к данному контексту, то есть поместить их контекст тех «проблемных измерений», которые являются наиболее значимыми в публично-политической повестке. Так, если использовать стандартную «лево-правую шкалу», среди регионалистских акторов обнаруживаются и явные приверженцы правых взглядов (Лига Тичино, Хорватский демократический союз Славонии и Бараньи и др.), и очевидно левые (Истрийский демократический альянс, Шотландская национальная партия, каталонские регионалисты и т.д.), и те, кто не занимает внятной позиции по более широкому кругу публично-политических проблем. Очевидно, этот критерий имеет существенное влияние для деятельности регионалистских акторов, особенно, если они вступают во взаимодействие с иными, нерегионалистскими игроками на политической арене, что наблюдается достаточно часто. Кроме того, это влияет на отношения внутри регионалистского движения в случае, когда оно фрагментировано. Фрагментация зачастую как раз и связана с разногласиями по более широкому кругу проблем.

* * *

Регионализм как явление современной политики невероятно разнообразен. Вследствие этого исследование регионализма требует достаточно сложных схем и концептуальных построений. В данной работе представлена «многоэтажная» схема концептуализации и классификации регионализма. На первом уровне выделены три основных коннотации регионализма, на втором фокус сделан на од-

ну из них (регионализм как движение), но в тесной увязке с другими, что позволило выявить основные модели регионализма как движения. Для более полной картины к этому добавлены несколько критериев, на основе которых строятся различные классификации. Предложенная схема, разумеется, не является исчерпывающей, однако дает первоначальный инструментарий для сравнительных исследований регионалистских движений.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00053 «Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Автор выражает благодарность коллегам – членам исследовательского коллектива (В.Д. Бедерсону, Н.В. Борисовой, Т.Б. Витковской, М.В. Исобчук, В.С. Ковину, М.В. Назукиной, К.А. Сулимову, Е.Ю. Филипповой, И.К. Шевцовой) за ценные замечания и комментарии к первоначальному тексту статьи.

Библиографический список

- Бусыгина, И. М. (1999) *Регионы Германии*. Москва: РОССПЭН. [Busygina, I. M. (1999) *Regions of Germany* [Regiony Germanii]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)].
- Бусыгина, И. М. (2006) *Политическая регионалистика*. Москва: РОССПЭН. [Busygina, I. M. (2006) *Political regional studies* [Politicheskaya regionalistika]. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russ.)].
- Китинг, М. (2003) 'Новый регионализм в Западной Европе', *Логос*, 6, сс. 67–116. [Keating, M. (2003) 'The new regionalism in Western Europe' [Novyi regionalizm v Zapadnoi Evrope], *Logos*, 6, pp. 67–116. (In Russ.)].
- Сартори, Д. (2004) 'Партии и партийные системы: рамки анализа' в: *Партии и выборы*. Москва: ИНИОН РАН. [Sartori, G. (2004) 'Parties and party systems: a framework for analysis' [Partii i partiinye sistemy: ramki analiza] in: *Parties and elections: Chrestomathy* [Partii i vybory], Part 1. Moscow: INION RAN Publ. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2017) 'Баланс versus дисбаланс вокруг этнических региональных автономий' в: *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Sulimov, K. A. 'Balance versus disbalance in ethnic regional autonomies' [Balans versus disbalans vokrug etnicheskikh regional'nykh avtonomii] in: *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, tselostnost' gosudarstva i prava etnicheskikh men'shinstv]. Moscow:
- [Shils, E. (1972) 'Society and societies: macro-sociological approach' [Obshchestvo i obshchestva: makrosotsiologicheskii podkhod] in: *American sociology: perspectives, problems, methods* [Amerikanskaya sotsiologiya: perspektivy, problemy, metody]. Moscow: Progress Publ., pp. 341–378. (In Russ.)].
- Яровой, Г. О. (2007) *Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе*. Санкт-Петербург: Норма. [Yarovoi, G. O. (2007) *Regionalism and transboundary cooperation in Europe* [Regionalizm i transgranichnoe sotrudnichestvo v Evrope]. St. Petersburg: Norma Publ. (In Russ.)].
- Benedikter, T. (2009) *Solving Ethnic Conflict through Self-government: a Short Guide to Autonomy in South Asia and Europe*. Bolzano: European Academy of Bolzano/Bozen (EURAC).
- Brancati, D. (2007) 'The origins and strengths of regional parties', *British Journal of Political Science*, pp. 135–159.
- Chandra, K. (2011) 'What is an ethnic party?', *Party Politics*, 2, pp. 151–169.
- Dandoy, R. (2010) 'Ethno-regionalist parties in Europe: a typology', *Perspectives on Federalism*, 2, pp. 194–220.
- Dandoy, R., Schakel, A. (eds.) (2013) *Regional and national elections in Western Europe. Territoriality of the vote in thirteen countries*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- De Winter, L., Türsan, H. (eds.) (1998) *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge.
- Elazar, D. (1994) *Federal Systems of the World: a Handbook of Federal, Confederal and Autonomy Arrangements*. Harlow: Longman.
- Hooghe, L, Marks, G., Schakel, A., Osterkatz, S., Niedzwiecki, S., Shair-Rosenfield, S. (2016)

- Politicheskaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)).
- Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века (2017). Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН [Pacific Russia in the integration space of the North Pacific at the beginning of the 21st century (2017) [Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoi Pasifiki v nachale XXI veka]. Vladivostok: Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences Publ. (In Russ.)].
- Туровский, Р. Ф. (2006) *Политическая регионалистика*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ. [Turovskii, R. F. (2006) *Political regional studies* [Politicheskaya regionalistika]. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)].
- Шилз, Э. (1972) 'Общество и общества: макросоциологический подход' в: *Американская социология: Перспективы, проблемы, методы*. Москва: Прогресс, сс. 341–378.
- Measuring Regional Authority: A Postfunctionalist Theory of Governance*, Vol. I. Oxford: Oxford University Press.
- Keating, M. (1998) *The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change*. Aldershot: Edward Elgar.
- Keating, M. (2017) 'Contesting European regions', *Regional Studies*, 1, pp. 9–18.
- Kitschelt, H., Wilkinson, S. (eds.) (2007) *Patrons, clients, and policies: patterns of democratic accountability and political competition*. Cambridge, UK; New York: Cambridge University Press.
- Massetti, E., Schakel, A. (2016) 'Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism', *Party Politics*, 1, pp. 59–79.
- Bußjäger, P. (2016) *Regionalism in Austria*. Assembly of European Regions Study on Regionalism [online]. Available at: <https://aer.eu/aer-observatory-regionalisation>.
- Scully, R., Wyn, J.R. (eds.) (2010) *Europe, Regions and European Regionalism*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Wolff, S. (2010) 'Approaches to Conflict Resolution in Divided Societies', *Ethnopolitics Papers*, 5.

Информация об авторе

Панов Петр Вячеславович – доктор политических наук, главный научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016)

Статья принята к печати: 15.01.2020

MANY FACES OF REGIONALISM

P. V. Panov

Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract

Regionalism is one of the main driving forces for the transformation of the modern nation-state. However, there can be distinguished several meanings in the understanding of the term 'regionalism': a fairly intense regional identity based on the heterogeneity of regions in collective perception; a political movement that seeks political agency for the region; a model of relations between the center and the region, when the latter already possesses political agency. Juxtaposing of these connotations allows building a conceptual chain - a kind of 'conceptual axis' of regionalism, in the center of which is regionalism as a political movement. The other, 'vertical axis' of the conceptual scheme, is based on the conceptual differentiation of regionalism as a movement (regionalist actors) from other ('adjacent') categories of political actors that are more or less connected with the region, such as regional and ethnic parties. The proposed conceptual scheme, while not exhaustive, provides conceptual tools for comparative studies of regionalist movements.

Keywords: region; regionalism; regional identity; regionalist claims; 'center – region' relations; regionalist parties.